

— Этот пожар выглядит слишком странно. Говорят, к счастью, ты не пострадал, — осторожно начал Хэ Фэн. — У тебя есть хоть какие-то предположения, кто мог бы хотеть тебе навредить?

Линь Фэйши, как всегда, держался с вежливой отстраненностью, улыбаясь в ответ:

— Да, я, вероятно, знаю, кто это мог быть. Когда я работал в Управлении провинции, мог случайно кого-то задеть. Я объясню это вышестоящим, не беспокойтесь, начальник Хэ.

Хэ Фэн стоял, сложив руки перед собой, и едва заметно улыбался, чувствуя, как слова начальника отряда Линь Фэйши льются ему прямо в душу. Линь Фэйши обладал редким даром — он умел тонко чувствовать настроение собеседника, понимать скрытые намеки и сам предлагать объяснения, не дожидаясь, пока его напрямую спросят.

Смысл его слов был ясен: этот пожар был вызван его личными старыми разборками, и к городу Чунгуан это не имеет никакого отношения. Начальнику Хэ не нужно было бояться ответственности перед вышестоящими, и это успокоило его нервы.

Хэ Фэн, словно проглотив успокоительное, тепло попрощался и ушел, заложив руки за пазуху.

Цзян Пэйи провел всю ночь с пожарными и коллегами из отряда уголовного розыска. Вернулся он только ближе к полудню, принесся Линь Фэйши порцию рисовой лапши с ребрышками, чтобы утешить его потрясенную душу.

Линь Фэйши сидел на диване, подцепив несколько нитей лапши на палочки и сложив их на ложку, вздохнул:

— Я давно хотел тебе сказать, но не решался. Несколько дней назад мою фотографию выложили в интернете, но быстро удалили. Возможно, это старые враги, увидев снимок, обнаружили мое местоположение и приехали в Чунгуан, чтобы отомстить. Ты знаешь, наша работа особенно легко привлекает ненависть.

Цзян Пэйи нахмурился:

— Кто выложил твою фотографию?

— Не знаю. Возможно, меня случайно сфотографировали, когда я выходил, — Линь Фэйши с напускным сожалением произнес, словно голливудская звезда. — Ничего не подделаешь, слишком выделяюсь среди прохожих, куда бы ни пошел.

Цзян Пэйи на мгновение замолчал, вспоминая детство, когда его самого преследовали преступники, и его лицо омрачилось, глаза стали холодными, как лед.

— Если они не смогли тебя подставить в этот раз, вряд ли они просто так отступят.

Видя заботу в глазах Цзян Пэйи, Линь Фэйши на мгновение захотелось рассказать ему всё, но этот импульс быстро прошел. Сейчас было не время. В сериалах часто говорят: «Ты знаешь слишком много». Если он раскроет всю правду, Цзян Пэйи может оказаться в опасности.

Подумав, Линь Фэйши тихо утешил:

— Ничего страшного. В любом случае, в ближайшее время я не смогу жить в своем районе. Я останусь в городском управлении и никуда не выйду. Они не посмеют напасть на меня прямо под носом у стольких следователей... К тому же, ты ведь рядом, и мы будем каждый день

неразлучны, как две половинки одного целого...

Цзян Пэйи, услышав, как его слова становятся всё более абсурдными, встал, взял тарелку с горячей лапшой и поставил ее на свой стол, начав есть.

Линь Фэйси промолчал.

Как это так, даже есть не дают!

Порция лапши с ребрышками была большой, а Линь Фэйши и так ел мало. Он беззастенчиво подсел к Цзян Пэйи и, склонившись, доел лапшу вместе с ним.

Цзян Пэйи обычно не покупал ему такие «вредные продукты», так как большинство рисовой лапши, по слухам, сделано не из чистого риса, а содержит канцерогенные вещества. Только в таких исключительных случаях Линь Фэйши позволяли побаловать себя нездоровой едой.

Вскоре в кабинет зашли другие коллеги из отряда уголовного розыска, чтобы искренне поинтересоваться состоянием Линь Фэйши, после чего начали вздыхать. Весь этот пожар можно было описать одной фразой: «Всё из-за красоты».

Если бы Линь Фэйши не был таким привлекательным, его бы не сфотографировали и не выложили в интернет, раскрыв его местоположение.

Проводив коллег, Линь Фэйши, измученный, устроился на диване и вздохнул:

— Кроме красоты, во мне ничего хорошего нет. Какая польза от красоты, если я всё равно не могу завоевать сердце того, кого люблю.

Цзян Пэйи немного помолчал, затем спросил:

— Ты хочешь, чтобы я вернул тебе твою бутылочку?

Линь Фэйси промолчал.

Это был первый раз, когда Цзян Пэйи официально признал их отношения. Хотя это было настолько тонко, что почти незаметно, и даже слова «любовь» не прозвучало, Линь Фэйши понял. Это был их собственный «тайный язык».

Линь Фэйши тут же перестал чувствовать себя уставшим и измученным. Его глаза наполнились едва сдерживаемой радостью и романтическим чувством, словно цветы персика. Он сказал с двойным смыслом:

— Конечно нет. Раз уж взял, назад не вернешь.

Городское управление недолго наслаждалось спокойствием, и снова началась суматоха. Источником был Цзюй Бин, которая отчаянно хотела найти своего сына. Она еще не знала, что Сяо Чжэн уже умер, и надеялась, что с помощью этого ребенка станет богатой дамой. Но, к сожалению, это оказалось несбыточной мечтой.

Приехав в район городского управления, она не могла позволить себе даже дешевый отель и питалась только хлебом, ожидая вестей о сыне под мостом. Прождав два дня, она наконец решила снова обратиться в управление, чтобы узнать, как продвигается расследование.

Мужчинам было трудно справляться с женщиной, которая могла в любой момент устроить

истерике, поэтому одна из сотрудниц вызвалась провести ее в комнату отдыха и спокойно сообщить о смерти Сяо Чжэна.

Это стало для Цзюй Бин громом среди ясного неба. Она вскрикнула, подпрыгнула на месте, словно морской еж, и закричала:

— Что?! Мой сын умер? Как он мог просто так умереть! Вы точно не ошиблись? Это точно он? Кто такой Сяо Чжэн?

Сотрудница объяснила:

— Судя по нашим данным, вы должны были сообщить об этом его отцу. Недавно господин Тан лично приезжал и помог нам подтвердить личность Сяо Чжэна. Он умер год назад, и его тело было кремировано. Примите наши соболезнования.

Цзюй Бин с недоверием спросила:

— И это всё, что вы смогли выяснить за такое время? Как он умер? Вы, полицейские, только сейчас обнаружили дело годичной давности?!

За её спиной раздался приятный мужской голос — это были Линь Фэйши и Цзян Пэйи, которые вошли в комнату.

— Простите, но в то время у нас не было достаточно доказательств, чтобы подтвердить его личность. Кроме того, причина смерти была определена как самоубийство, поэтому мы не проводили глубокого расследования.

Цзюй Бин на секунду замерла, затем внезапно сломалась:

— Как он мог покончить с собой? Как он мог сделать это в приюте! Разве мы не живем в правовом государстве? Мой сын умер прямо у вас на глазах!

— Прежде чем говорить о том, была ли полиция небрежна, скажите, а что сделали вы, как мать? Если бы не обнаружение того, что он сын Тан Синя, вы бы даже не вспомнили о его существовании, — холодно произнес Линь Фэйши. — По сути, вы потеряли не сына, а легкодоступное богатство. Зачем теперь притворяться, что вы так сильно скорбите?

Зрачки Цзюй Бин сузились, горло сжалось. Она отступила на два шага и рухнула на пол.

.....

Расследование дела Сяо Чжэна оказалось крайне запутанным. Сначала они не могли найти его и даже не знали, кто он такой. Потом, наконец, появились зацепки, связанные с приютом Юшань, но оказалось, что ребенок уже умер. Единственными уликами были клочок бумаги и ключ, найденные в его желудке, но бумага была настолько повреждена желудочным соком, что текст невозможно было прочитать.

Это дело было окутано туманом, и казалось, что правда вот-вот откроется, но она всё еще оставалась недосыгаемой.

Линь Фэйши неспешно очистил апельсин и, глядя на человека рядом, спросил:

— Если бы ты хотел дать ключ незнакомцу вместе с листком бумаги, что бы ты, скорее всего, написал на этом листке?

Бутылочка — это та самая баночка для ресниц Линь Фэйши!

Прошло уже более 60 глав, и мой Цзян Пэйи наконец-то так сдержанно и стыдливо признался!
[Что я вообще себе напридумывала, тьфу]

Целых две главы ушло на развитие романтической линии, это слишком грешно. Завтра
вернемся к расследованиям.

<http://bllate.org/book/17716/1655740>